

УДК 141

**ЭВОЛЮЦИЯ ДРЕВНИХ КОСМОГОНИЙ: ОПЫТ АНАЛИЗА
РАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ
ТРАНСФЕРЕНЦИИ КОСМОГОНИЧЕСКИХ МИФОВ
МЕСОПОТАМИИ, ЕГИПТА И ГРЕЦИИ – III***

И.И. Литовка

Работа посвящена поиску и исследованию рациональных оснований в содержании древних космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции с целью проследить взаимосвязи и изменения представлений о происхождении мира в сравнении со взглядами первых представителей античной натурфилософии (досократиков). Анализ осуществляется при помощи метода семантической унификации основных понятий в духе более рациональной греческой философии природы, что дает возможность выявить содержательную структуру знания, обнаружить и сравнить признаки транскультурной эволюции древних космогоний.

Ключевые слова: космогония, мифология, натурфилософия, Месопотамия, Египет, Греция, рациональное содержание

Настоящая работа является третьей частью исследования. В первых двух частях [1] кратко рассматривались космогонические мифы древних культур Месопотамии, Египта и Греции, но не с целью выявления их уникальных признаков, а для выделения их рационального содержания (в современном представлении о «рациональном знании») с целью смысловой унификации. Сравнительный анализ космогонических мифов трех сопредельных регионов проводится не только для того, чтобы выявить признаки внутренней и транскультурной эволюции космогонических представлений в этих связанных цивилизациях, но и для того, чтобы попытаться обнаружить те естественные, а не связанные с духовной сферой (религиозные, мифологические) мотивы, повлиявшие на генезис космогоний [2].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-23-01015).

Существуют отрывки из шумерских текстов, предположительно содержащие сведения о космогонических мифах Шумера, но они не дают какой-либо целостной и внятной картины отличия космогонии Шумера [3] от более поздних вавилонских вариантов космогонической поэмы «Энума Ану Элиш», и, в общем, можно говорить о существовании единой версии космогонии на территории Месопотамии на протяжении более 3 тыс. лет.

Можно предположить ряд причин подобного межэтнического традиционализма. Земли Месопотамии, где простиралась имперская власть шумерской, аккадской, ассирийской или иной этнической династии, всегда были населены различными народами, не связанными признаками какого-либо национального и языкового родства. Однако этот факт установлен современной исторической наукой и практически не отражен в вавилонских первоисточниках. Например, даже в документах позднего периода царствования династии Селевкидов [4], в которых упоминаются правитель и его свита, нет никаких сведений об их этнической принадлежности, как, собственно, нет и указаний на династическое происхождение Селевкидов, на этнический состав армии и населения [5]. Известно, что основатель династии Селевк Никатор происходил из Македонии и был носителем эллинистической культуры, но, вероятно, воспринял вавилонские культурные традиции, впоследствии укоренившиеся в качестве основы правления династии Селевкидов.

Отсутствие в вавилонских письменных источниках упоминаний об этнической принадлежности населения Месопотамии характерно для большинства из них на протяжении всего периода истории цивилизации в Междуречье. Территорию этого региона населяло огромное количество этнических групп, преимущественно семитских, а также иранского и анатолийского происхождения [6], и политика игнорирования различий национального состава как специфическое проявление интернационализма в сочетании с насаждением единых культурных ценностей, освященных древней традицией, – элемент грамотного подхода в управлении подобной империей.

Древняя великая культура Шумера служила фактором объединения народов в условиях, когда естественные предпосылки для единства населения отсутствовали. Отчасти причина столь специфического традиционализма, вероятно, кроется в области вопросов о политической целесообразности правления, и этим мотивом можно объяснить специфику транскультурной восприимчивости народов Месопотамии. Помимо этого в данном случае межэтнический традиционализм определяется, воз-

можно, и тем, что у народов – преемников шумерской культуры отсутствовали собственные разработанные версии космогонических мифов. Шумерскую оседло-земледельческую культуру наследовали в основном представители кочевых племен, перенимая не только оседлый образ жизни, но и «культурный багаж» предшественников. У кочевников могло и вовсе не быть своей космогонии, зато у них всегда имелось больше возможностей для культурного выбора, нежели у оседлых земледельцев. Высокоразвитая культура Шумера и становилась предметом этого выбора, так как воспринималась в сравнении с другими как образец высшей мудрости.

Из всех рассматриваемых космогоний мифы Междуречья демонстрируют нам самую пессимистическую картину в отношении места человека в сотворенном мире. Человек занимает во вселенной одно из самых несущественных и жалких мест. Мир вполне мог бы обойтись без людей, их роль в нем абсолютно не определена, и даже в загробном царстве, существующем по своим правилам, где удел человека также безнадежен, люди – как бы случайные гости. В космогоническом мифе Междуречья, с присущей ему имманентностью, растворенностью «всего во всем», люди – пассивный и страдающий, но при этом как бы условно трансцендентный сотворенному миру лишний элемент, не задействованный во всеобщем имманентном круговращении. Здесь можно зафиксировать явное отсутствие какого-либо антропоцентризма и даже претензий на него. Природа, в представлении создателей космогонии, не нуждается в человечестве, следуя своим циклам, и постоянная борьба сил природы является ее имманентным свойством. Человек может рассчитывать только на приспособление к природе, но не на ее преобразование. На это указывает и развитая практика предсказаний, процветавшая в Месопотамии на протяжении более 3 тыс. лет: службы астрологических наблюдателей были распространены повсеместно, и каждую ночь предсказатели наблюдали небо, тщательно записывая данные. В конечном счете они «настолько усовершенствовались свое мастерство, что создали таблицы данных наблюдений для многих небесных тел с точностью до минут» [7].

Возникновение подобного представления об устройстве мира могло быть спровоцировано только действием изначально неблагоприятных для человека геофизических факторов этого региона [8]. Катаклизмы глубокой древности и сформировавшийся неблагоприятный климат, несомненно, нашли свое отражение в генезисе космогонического мифа.

Космогония Месопотамии абсолютно геоцентрична [9], и ее сюжет связан с геофизическими и климатическими условиями данного региона.

Представление о насильственном сотворении мира является отражением древних процессов формирования окружающей физической реальности, рождения и выживания человечества в неблагоприятной для него среде обитания. Географическая компактность территории Месопотамии, где средняя протяженность границ империи с юга на север и с запада на восток в каждый исторический период не имела существенной разницы, как это было, например, в Египте, способствовала более тесным взаимным контактам местного населения. Возможно, это обстоятельство также отчасти объясняет космогоническую моноцентричность цивилизации, ядром которой в течение многих столетий был преимущественно Вавилон, а прочие крупные культурные центры не так сильно удалены друг от друга, как в Египте, и не столь географически изолированы, как в Греции.

Если генезис космогонии Междуречья всецело объясняется геофизическими факторами, то ее эволюция связана с социальными процессами и носит поверхностно-лингвистический характер, не затрагивая ее концептуальной структуры. Формальные причины эволюции космогонического мифа, отраженного в «Энума Элиш», кроются в изменениях теологической терминологии, в ее многократных наслоениях в сюжете космогонии вследствие межэтнической преемственности общего для империй Месопотамии культурного наследия.

Обращаясь к космогоническим мифам Египта, мы обнаруживаем иную картину генезиса и эволюции космогонии. Общие тенденции внутренних эволюционных процессов здесь имеют другие закономерности. Причины формирования представлений о происхождении мира в Древнем Египте, вероятно, связаны с более благоприятными условиями для выживания. На протяжении истории Египта геофизические факторы, которые могли бы повлиять на генезис мифотворчества, были более стабильны и предсказуемы, нежели в Месопотамии. Египтяне не сталкивались со столь сложными проблемами в области земледелия, как жители Междуречья.

Нельзя недооценивать роль условий для эффективного земледелия в формировании первых цивилизаций древности. Именно развитие аграрных видов сельского хозяйства стало залогом возникновения и развития культуры как специфической области проявления отвлеченного интеллектуального творчества. При всем уважении к историкам-этнографам полагаем, что самовыражение в форме наскальной живописи в перерывах между «охотой на мамонта» все же нельзя считать проявлением развитой культуры как социального явления. Значимые образцы челове-

ской интеллектуальной деятельности, отвлеченной от нужд физиологического выживания, всегда возникали в обществах, культивировавших оседлое земледелие, и ключевыми моментами здесь являются наличие стабильного источника продовольствия и возможность создания постоянных запасов провианта.

При всей кажущейся тривиальности этого суждения подобные доводы незаслуженно игнорируются в пользу разнообразных фантастических версий культурного развития как следствия влияния неких «третьих сил», например инопланетного вмешательства. «Голодный художник» может существовать только в достаточно организованном обществе, которое может себе позволить оплачивать его интеллектуальный труд, пока какая-то часть населения, образно выражаясь, «добывает мамонта» для всех, кто не задействован в этом процессе. Только цивилизации с развитой культурой оседлого земледелия оставили человечеству значимое интеллектуальное наследие в области художественного творчества и естествознания. Космогонические мифы зачастую всецело относятся к художественному творчеству, но, как показывает наше исследование, и в них присутствует некое скрытое рациональное содержание, которое можно классифицировать как первые элементы естествознания.

Итак, уникальные геофизические условия долины Нила способствовали развитию сельского хозяйства, и на протяжении всей истории древнего Египта засуха и неурожай были довольно редкими явлениями. Здесь не требовались строительство и поддержание сложных ирригационных систем, не надо было расходовать силы и средства на удобрение почвы, так как ежегодные разливы Нила обеспечивали поля Египта достаточным количеством влаги и наилучшим удобрением в виде осадка плодородного ила. Обычно поля Египта давали гораздо больше зерна, чем было необходимо для удовлетворения продовольственных потребностей населения, что позволяло создавать большие запасы и способствовало общественному процветанию. Существовали даже особые государственные хранилища зерна при храмах на случай неурожая. Подобная страховка от неблагоприятных погодных условий и развитие торговли за счет избытка зерна сделало Египет наиболее социально благополучным обществом среди других древних цивилизаций сельскохозяйственного типа.

Вполне возможно, что именно эти обстоятельства повлияли на формирование космогонических мифов Египта, которые можно образно охарактеризовать как наиболее позитивную оценку явлений природы с точки зрения человека. Вместе с тем именно египетская космого-

ния демонстрирует нам наиболее существенный внутренний эволюционный регресс.

Во-первых, показательным является тот факт, что в ранних египетских космогониях, в отличие от космогоний Месопотамии и Греции, отсутствует подземный мир как загробное царство человеческих страданий. Души умерших людей отправлялись на небо и, в разных вариациях мифов, либо поселялись на звездах, либо превращались в звезды. Этот процесс, видимо, не связывался с какими-либо посмертными карами или наградами, а расценивался скорее как продолжение жизни, но в иной форме. Предположительно, только ко времени Среднего царства в космогонии Египта окончательно оформляется образ загробного царства как подземного мира со своими «раем» и «адам». Несмотря на столь пессимистический регресс, египетский вариант загробного мира поначалу более соответствовал нашему представлению о рае. Как справедливо отмечает Б. Мерц, «египтяне в основном были жизнерадостны: их версии будущего мира, различаясь по географии, сходятся в одном. “Страна вечности” честна и справедлива, и в ней нет бед. Мертвые – это преображенные духи, к которым скорбящие родственники ожидают присоединиться в вечном блаженстве» [10]. Но со временем негативные тенденции в описании подземного мира нарастали, и все чаще появлялись мрачные картины, описывающие Дуат: «Глубоко и мрачно место, где бродят обитатели Запада... Солнце не поднимается там: каждый день погружены они во тьму... Те, кто находится на Западе, разобцены, и существование их жалко» [11].

Во-вторых, что акт сотворения мира во всех вариантах египетских космогоний не был связан с насильственным преобразованием первовещества, как это представлено в месопотамской и греческой космогониях. Сам процесс творения во всех версиях – исключительно мирное действие, происходящее самопроизвольно и без «божественных войн», которые вполне можно рассматривать как проявление активности стихийных сил природы. Противоборства возникают уже после, в сотворенном мире, и, как правило, к ним никак не причастны божества, олицетворяющие силы природы, если не считать аллегорического описания смены дня и ночи как ежедневной победы Ра (Солнца) над силами тьмы. Описание путешествия Ра по подземному миру дополнялось все более воинственными подробностями борьбы со злом на протяжении существования Древнего и Среднего царств. Как правило, чем древнее тексты, тем меньше в них мрачных подробностей борьбы Ра с тьмой в его ночном путешествии.

Деструктивные силы, возникшие и активизировавшиеся в уже созданном мире, связаны с культом Осириса – первого богочеловека и первого царя Египта, а точнее, с его врагами и врагами человечества. Осирис, Исида, Сет и их окружение даже не фигурируют в космогониях (за исключением северной гелиопольской) в какой-либо творческой роли и, более того, рождаются уже после сотворения человечества, и, тем не менее, именно этот культ повлиял на эволюцию космогонических сказаний. Осирис занимает свое первостепенное положение в египетском пантеоне примерно к концу эпохи Древнего царства. В более ранний период египтяне поклонялись солнечному богу Ра, и многие из них не знали об Осирисе, так же как и о его загробном царстве. Культ Осириса окончательно утвердился по всей стране во времена Среднего царства [12]. Перманентная борьба Осириса и Сета, которой посвящено много мифов, отождествляется с противостоянием порядка и хаоса, света и тьмы уже в процессе существования мира, но отождествляется только в отношении мира человека, а не явлений природы. Хотя с течением времени им приписывается все большее влияние на стихии, либо они даже отождествляются с космогоническими божествами.

В большинстве космогоний человек – одно из первых и главных творений мира. Мир создается для человека и ориентирован на его потребности. И источник зла каким-то образом связан с человеческой деятельностью. Таким образом, можно заключить, что космогонические мифы Египта явно антропоцентричны и их эволюция связана с причинами социального характера, хотя их генезис во многом определялся геофизическими условиями. Природа изначально благоволит человеку. Даже рептилоидные существа, которые присутствуют в космогонических мифах Египта, в отличие от мифов Месопотамии и Греции, здесь отождествляются с созидательными, позитивными силами природы, а кое-где даже олицетворяют самого творца. Когда же речь идет о времени существования сотворенного мира, они начинают отождествляться с силами зла, тьмы и хаоса. Борьба с силами хаоса, войны богов отразились в более поздних мифах, связанных с культом Осириса и описанием подземного мира. С одной стороны, эти мифы не входят в космогоническую серию, с другой – в них частично описывается устройство мира, в частности подземного царства, и потому можно говорить о регрессе космогонии в отношении нарастания «мифологического насилия». Сам факт появления образов подземного загробного мира и суда Осириса с наказанием за зло при изначальном отсутствии представлений о столь мрачных местах и посмертных страданиях также указывает на рост общественного пессимизма.

Причины явного регресса египетских космогоний лишь отчасти кроются в реакции на неблагоприятные изменения в геофизических условиях, о чем пойдет речь ниже, и, вероятно, в большей мере связаны со сферой социальных отношений. Относительно мирное и благополучное существование Египта, характерной для периода Древнего царства, который египтяне считали «золотым веком» в своей истории, начиная примерно со времени Среднего царства и в последующие исторические периоды все чаще нарушалось войнами, оккупацией страны, сменой власти, государственными переворотами, территориальным смещением политических и, соответственно, культурных центров страны и т.п. Политическая нестабильность провоцировала усиление социального напряжения и девальвацию моральных ценностей. Нарастание общественного пессимизма наложило свой негативный отпечаток на мифотворчество в целом и проявилось в регрессе космогонических представлений.

Помимо этого на внутреннюю эволюцию космогоний Египта, вероятно, повлияла такая черта египтян, как специфическая транскультурная восприимчивость. Эта особенность национального характера народа Древнего Египта отмечается многими историками, и проявлялась она весьма своеобразно. Отличаясь особым почитанием своей страны, которое можно сравнить с самой возвышенной любовью, египтяне, даже завоеывая другие земли, не навязывали свой религиозный культ побежденным, как это делали все другие народы, а напротив, воспринимали и ассимилировали в своей культуре некоторые их религиозные традиции. В результате «происходило заимствование сюжетов и образов, различные концепции смешивались, разные представления синкретизировались и т.п. Все это приводило к тому, что даже мифы, которые складывались и сосуществовали в пределах одного теологического центра и в один исторический период, совершенно по-разному трактовали одни и те же положения» [13].

Транскультурная восприимчивость сказалась на эволюционном регрессе сюжетных ходов космогонических мифов. Так, содержательная оригинальность более ранних версий космогоний, происходящих из Гелиополя, Мемфиса и Гермополя, уступает место эклектичной компилятивности космогонии из Фив и тривиальности мифа Элефантины. Если в ранних мифах творческие начала мира связаны с активностью неких абстрактных сущностей, то в Элефантине мы уже сталкиваемся с банальным гончарным кругом и глиной, из которой сотворены люди и боги. Таким образом, египетская космогония регрессирует от оригинальной абстрактности к банальности «глиняного мира», предположи-

тельно, вследствие ассимиляции сюжетов космогонических мифов других народов.

Мы ограничились исследованием только пяти основных египетских космогоний, получивших наибольшее распространение на территории долины Нила на определенных длительных исторических отрезках, на самом же деле египетских космогонических мифов было гораздо больше. Как верно замечает М.Э. Матье, они поражают своим противоречивым разнообразием, в них всегда различны способы творения и творцы, усмотреть в них какую-либо общность, кроме наличия первобытного хаоса, трудно [14]. Подобное разнообразие имеет вполне логичное объяснение. Дело в том, что в Египте никогда не существовало запретов на религиозное инакомыслие, хотя именно там произошла первая так называемая религиозная революция Эхнатона [15].

«Революция» и «фараон-еретик» – это современные определения, не имеющие ничего общего с тем, как этот процесс воспринимали египтяне и как это происходило на практике. Фараон Эхнатон впервые в истории Египта дал указание не дополнить свою религиозную доктрину или выделить ее как приоритетную, а заменить ею все существующие культы. Это указание было выполнено мирно и достаточно быстро без каких-либо революционных эксцессов, но просуществовала новая религия ровно столько, сколько длилась жизнь Эхнатона. Все прежние боги вернулись на свои места в храмах так же скоро, как были оттуда «изгнаны», а в домах простых египтян и вовсе ничего не менялось в течение всего времени этой «революции», разве что новые божества добавлялись к старым. Как до этого беспрецедентного события, так и после него в египетской религии не было даже представлений о религиозной ереси, а потому оно никак не могло быть и не было названо.

Вероятно, современниками реформа воспринималась как странный каприз обожествленного фараона. «В египетской религии не существовало догматов, вера в которые предписывалась бы как обязательная, и не было догматов, отрицавшихся жрецами под видом ереси», как точно подмечает египтолог И.В. Рак [16]. По части религиозной терпимости Египет намного превосходил современный цивилизованный мир. Подобная толерантность не могла не отразиться на всей египетской религиозной системе, которая за тысячелетия, постоянно дополняясь новыми сюжетами, оказалась перегруженной и «неоперабельной». Отчасти этим крайним эклектизмом можно объяснить регрессию в египетских космогониях и мифологической системе в целом, которая нуждалась в упрощении.

Как упоминалось выше, в наиболее древних космогонических мифах – гелиопольском, мемфисском и гермопольском были представлены такие оригинальные для древних космогоний инструменты творения, как мысль, слово (звук), свет, око, число [17.] Более поздняя фиванская космогония уже являет собой эклектичную компиляцию, где нет единой последовательной сюжетной линии, и главное ее отличие от прочих состоит в том, что в роли демиурга выступает фиванский верховный бог Амон, который подставляется в любую существующую космогоническую схему. Самая же последняя по времени космогония из Эсны демонстрирует наиболее упрощенную версию сотворения мира и его составляющих богом-ремесленником на гончарном круге. Мир, созданный гончаром, – наиболее распространенный в этом регионе древний космогонический сюжет, и, возможно, он был заимствован, так как в более древние времена Хнум-гончар олицетворял плодородие и воды Нила (пороги и разливы).

Процесс эволюции египетских космогоний является специфической формой отражения социально-политических и географических изменений, происходивших в истории Египта. В отличие от Месопотамии, по территории Египта мигрировали не разнородные этнические группы населения, а центры политической власти, что делало их одновременно и культурно-религиозными столицами Египта. Если обратиться к географической карте страны, то становится очевидным один очень любопытный факт. Миграция религиозных центров Египта происходила в направлении строго с севера на юг: Гелиополь и Мемфис – северные города, расположенные у дельты Нила, их расцвет пришелся на времена Древнего царства; Гермополь, процветавший в период Среднего царства, находился южнее в Среднем Египте, который условно разделяет Нижний Египет (север) и Верхний Египет (юг); Фивы – политический и религиозный центр Верхнего Египта во времена Нового царства; Эсна и Элефантина находятся еще дальше, на южных рубежах Египта. Заселенная территория Египта – это в основном узкая полоса долины Нила, вытянутая более чем на 1000 километров, где крупные поселения разделены сотнями километров.

Вероятно, относительно крупные культурные центры в Египте существовали еще до объединения номов в единое государство, и в каждом из них складывалась своя оригинальная теологическая концепция, включавшая и собственную версию космогонии. Известно, что египтяне не были большими любителями путешествий, и сотни или даже десятки километров при отсутствии сухопутных дорог были для них серьезным

препятствием в плане культурного обмена. Каждый номовый центр существовал в своем локальном социокультурном пространстве, но вместе с тем египетская религия имела единые этнические истоки.

Одна из важных причин, объясняющих специфику генезиса египетских космогоний, как представляется, кроется как раз в особенностях географического расположения территории Египта, в территориальной удаленности и относительной изолированности друг от друга культурных и религиозных центров Египта. Кроме этого, есть сведения о неблагоприятных климатических изменениях, которые происходили в долине Нила в течение 3 тыс. лет египетской истории. К. Бутцер, специализирующийся в области физической географии и палеоклиматологии, в своей работе «Гидросистема ранней цивилизации Египта» исследует вопрос о динамике климата на территории поймы Нила на протяжении истории додинастического и династического Египта. Он приходит к выводу, что в додинастический период и на раннем этапе формирования египетского государства климат там был намного более влажным, а флора и фауна – более богатыми. В Египте тогда существовали сезоны дождей, дельта Нила была сильно заболочена и напоминала тропические мангровые заросли, а пойма Нила, возможно, не граничила с пустыней непосредственно, как в более поздний период и в наше время, но была окружена саванной, а где-то и джунглями, богатыми разнообразной дичью [18]. Со временем климат становился более засушливым, пустыня поглощала участки потенциально плодородной почвы в пойме Нила вследствие снижения уровня наводнений, исчезали многие виды дичи и т.д. Однако утверждать, что климат Египта стал неблагоприятным для жизни человека (в первую очередь для ведения сельского хозяйства), нельзя, и, тем не менее, некоторые негативные тенденции, связанные с наступлением пустыни, могли отразиться на представлениях египтян о мироустройстве.

Эволюционный регресс египетских космогонических мифов, как было отмечено выше, связан с миграцией центров политической власти, военными осложнениями и климатическими ухудшениями, а их генезис был определен географическим положением и геофизическими факторами. Таким образом, несмотря на сюжетный антропоцентризм, генезис и эволюция космогоний Египта происходили вследствие сочетания причин социального и геофизического характера с преобладанием последних [19].

Продолжение следует

Примечания

1. См.: Литовка И.И. Эволюция древних космогоний: опыт анализа рациональных оснований и содержательной трансференции космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции – I // *Философия науки*. – 2013. – №2 (57). – С. 134–156; Литовка И.И. Эволюция древних космогоний: опыт анализа рациональных оснований и содержательной трансференции космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции – II // *Философия науки*. – 2013. – №3 (58). – С. 107–127.

2. Древние космогонические мифы в той или иной мере лишены логической ясности в современном научном понимании, а потому исследователи относят их к области художественного творчества (фольклора), никак не отражающего физические реалии определенного этапа естественной истории Земли. Однако отчасти это не совсем верно и скорее относится к проблемам восприятия информации, изложенной не в системе современных нормативных понятий. Для преодоления этой проблемы восприятия следует рассматривать содержание мифов, прибегнув к процедуре очищения сюжета от религиозной составляющей и семантической унификации понятий, присутствующих в мифах и отражающих определенные мифологические явления. Такая процедура дает нам более отчетливое представление о структурном восприятии мира народами глубокой древности и о тех естественных причинах, которые повлияли на их восприятие действительности, отраженное в космогониях. С этой целью был применен метод содержательной трансференции, который предполагает проведение процедуры семантической унификации данных из различных областей знания, имеющих предположительно общее или частично общее эмпирическое поле, описываемое специальными терминами. Выявленное значение основных понятий описывается в рамках нормативной лексики с целью продемонстрировать рациональное общезначимое содержание источника (если таковое имеется), скрытое в специфической системе описания явлений и объектов. Таким образом, мы получаем содержательную структуру знания, выраженную рациональными общедоступными лексическими средствами. Термин «трансференция» употребляется в языкознании для обозначения процесса переноса совпадающих грамматических явлений из системы одного языка в систему другого (так называемый положительный перенос навыков). В описанном выше значении термин «содержательная трансференция» вводится впервые.

3. См.: *Мифы и легенды народов мира* / Сост. И.В. Рак, А.И. Немировский, Л.С. Ильинская. – М.: Мир книги, 2004. – С. 212–232.

4. Династия Селевкидов правила в Вавилоне после его завоевания войсками Александра Македонского. Основателем династии был один из полководцев Александра – Селевк Никатор.

5. См.: *The Cambridge Ancient History: The Hellenistic World*. – Cambridge University Press, 2008. – V. VII, p. I. – P. 178.

6. *Ibid.* – P. 179.

7. *The Cambridge Ancient History: The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the Eighth to the Sixth Centuries B.C.* – Cambridge University Press, 2008. – V. III, p. II. – P. 226.

8. См.: Литовка И.И. [где говорилось о неблагоприятных факторах?]

9. Стоит оговориться, что термин «геоцентризм» здесь употребляется в несколько ином значении, нежели это принято в астрономии и физике. В данной работе

выводится дихотомия *геоцентризм* – *антропоцентризм* как признаки мифологической картины мира в представлении ее создателей. Такая дихотомия расширяет возможности анализа космогонии (или любой другой картины мира). Если термин «антропоцентризм» близок к общепрофессиональному пониманию – как главенства человека над природой, в представлении человека, то термин «геоцентризм» здесь означает доминирование природы над человеком как одним из несущественных ее элементов. Создавалась ли природа для человека (антропоцентризм) или человек создан для природы (геоцентризм), и является ли человек обязательным элементом природы или ее случайным и побочным продуктом? Анализ этих вопросов может дать важную информацию о мифологической картине мира в понимании ее создателей. Употребление упомянутых терминов имеет гносеологический смысл, так как рассматривается категориальная оппозиция субъект – объект в мифологии, при этом исследуется прежде всего процесс познания субъектом, т.е. человеком, объекта, т.е. природы, с точки зрения субъекта и анализируются причины, повлиявшие на отражение результатов познания.

10. Мерц Б. Красная земля, Черная земля: мир древних египтян. – С. 325.

11. Цит. по: Мерц Б. Красная земля, Черная земля: мир древних египтян. – С. 325.

12. См.: *Blackman A.* Osiris or the Sun-God? A reply to Mr. Pery // *The Journal of Egyptian Archaeology.* – 1925. – No.11. – P. 207.

13. Рак И.В. Мифы древнего Египта. – СПб.: Петро – РИФ, 1993. – С. 15.

14. См.: Матье М.Э. Мифы древнего Египта. – Л., 1940. – С. 6.

15. Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) из XVIII династии фараонов Египта правил около 17 лет приблизительно с начала 1350-х годов до н.э. Прославился тем, что на втором-третьем году правления начал полномасштабную религиозную реформу, отменив культ всех прежних богов и основав новый культ единого бога Атона. Атон изображался в виде солнечного диска, а правящий фараон по старой египетской традиции провозглашался его земным воплощением. Были построены храмы, посвященные новому божеству, в старых же каменотесах на месте старых текстов религиозных гимнов высекали новые и заменяли статуи прежних богов изображениями Атона. В рекордные сроки была построена новая столица – Ахет-Атон. Вероятно, в отдаленных номах Египта указы фараона исполнялись не столь оперативно, а потому население северных провинций не успело осознать новые веяния в полной мере. Реформа прошла мирно, так как воля фараона-бога не подлежала критике, но по прошествии 14–15 лет, сразу после смерти Эхнатона, так же мирно жречество реставрировало культ фиванского пантеона богов, вновь надолго обеспечив работой каменотесов.

16. Рак И.В. Мифы древнего Египта. – С. 14.

17. В гермопольской космогонии, как и во всей гермопольской мифологии, некую особую созидательную роль играет число восемь. Мир сотворен огдоадой (восьмеркой) первых существ, при этом их персонификация, вероятно, практически не играет роли, но очевидно, что некий особый смысл заложен в их количественном обозначении – числе восемь.

18. См.: *Butzer K.W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1976. – P. 12–26.

19. Исследование генезиса и внутренней эволюции космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции будет продолжено в четвертой части работы. Будут рассмотрены факторы, повлиявшие на формирование космогонических мифов Древней Греции, а также выделены общие признаки и тенденции эволюционирования мифов. Сравнительный анализ космогоний всех трех регионов продемонстрирует

общие и специфические естественные факторы, повлиявшие на формирование древней мифологической картины мира в Месопотамии, Египте и Греции.

Дата поступления 12.12.2013

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск
proton551@yandex.ru

Litovka, I.I. The evolution of the ancient cosmogonies: a trial to analyze rational bases and content transference in cosmogonical myths of Mesopotamia, Egypt and Greece – III

The paper deals with the search and study of rational bases in the content of ancient cosmogonical myths of Mesopotamia, Egypt and Greece in order to retrace interconnection of conceptions of the origin of the world and changes in them in comparison with views of first ancient natural philosophers (presocratics). The analysis is carried out by means of semantic unification of basic [key] concepts in the spirit of more rational Greek philosophy of nature. It makes possible to reveal the substantial structure of knowledge, as well as to find out and compare signs of transcultural evolution of the ancient cosmogonies.

Keywords: cosmogony, mythology, natural philosophy, Mesopotamia, Egypt, Greece, rational content